

Водораздельные пространства как генераторы радикализации политической жизни стабильных крупногородских ядер

Сергей Рогачев

Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.

Марина Цветаева. Тебе – через сто лет. 1919

В былые времена редкая градоведческая статья обходилась без ссылок на слова Карла Маркса и Фридриха Энгельса о том, что города являются великими центрами энергии и прогресса. Времена изменились, но с названным утверждением вряд ли кто возьмется спорить, разве что обленившиеся зумопоклонники, рассеявшиеся по электронным коттеджам. Среда крупных городов, особенно столиц, действительно является ареной, на которой разворачиваются события общенациональной и мировой значимости. События, приводящие порою к эпохальным изменениям. Но кто заставляет события происходить, кто дает импульс к изменениям устоявшихся порядков?

Укорененный житель большого города – обитатель заведомо привилегированного участка территории (где «не орут, не пашут, а сытной крестьянского едят») – в общем случае более удовлетворен своим положением, нежели житель периферии. Он – часть концентрированного коллективного обирающего, с помощью разного рода податей и ножиц цен обирающего дисперсное (и потому незащищенное) коллективное обираемое. Наименования уютно и издавна прижившихся в городе представителей среднего класса недаром приобрели пейоративный оттенок: «бюргер», «мещанин», «филистер», «глупый пингвин», который

Рогачев Сергей Вячеславович, научный сотрудник, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: rogachev.mgu@gmail.com

Речной бассейн представляет собой не только физико-географическую систему, но и канву территориальной социальной системы. Водораздельное пространство – «продукт» отважных личностей с обостренным ощущением самостоятельности, готовых в одиночку, не рассчитывая на внешний эффект или воздаяние, совершать решительные поступки. Обнаруживается приуроченность мест рождения многих деятелей революционного движения второй половины XIX – начала XX века к водораздельным линиям. Особенно заметно такая приуроченность проявляется при рассмотрении биографий русских женщин, принимавших участие в актах индивидуального террора (например, народоволки, эсерки-максималистки). Большинство из них происходят с периферии Волжского водосбора. Уроженцы периферии своими импульсивными действиями инициировали перемены в столичных центрах.

Ключевые слова: центр-периферия; водораздел; Волжский бассейн; Москва; геобиографии; мещанство; неконформизм

Цитирование: Рогачев С.В. (2022) Водораздельные пространства как генераторы радикализации политической жизни стабильных крупногородских ядер // Городские исследования и практики. Т. 7. № 2. С. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp722022115-127>

«робко прячет тело жирное в утесах» (уж не Москву-Сити ли прозрел тогда Горький?), «офисный планктон». Потомственный укорененного жителя ядра устраивает существующий порядок вещей. Конечно, его заботит наращивание личного благополучия, но он не связывает его с переменами общественными, инстинктивно чувствуя, что они для него, скорее, поведут к худшему. Он борется за комфорт, а не за место под солнцем города: оно уже насижено. Не склонен к резким переменам и житель относительно близкой периферии, привыкший жить в непрерывном добровольно-принудительном симбиозе с центральным ядром и трезво оценивающий его как якорь (или вериги) стабильности.

На некотором удалении от центрального города начинается переход пространства в иное качество – глушь. Главный фактор наступления этого качественного перехода, разумеется, фактор расстояния. Однако реальное географическое пространство анизотропно – не является одинаково проницаемым в разных направлениях. Одни ландшафтные элементы, слагающие окружающую город территорию, естественно способствуют распространению влияния ядра вовне, другие – препятствуют. Важнейшее пролонгирующе-купирующее обстоятельство – рельеф и находящаяся с ним в подчиненном взаимодействии речная сеть. При движении вверх по течению к водоразделу влияние центра, как правило, иссякает быстрее¹, чем при сплаве вниз по течению. При этом принципиального значения не имеет, резко ли выражены водоразделы в рельефе и судоходны ли реки. Горный ли хребет перекрывает «знаком кирпича» затылки истоков рек или едва заметный перегиб покатоствей земной поверхности с верховым болотом или даже без оно – так или иначе это прерывание постепенности. Река может

и не быть судоходной (или быть таковой только в прошлом), но все равно ее долина, как правило, служит проводником освоения территории и с учетом речной сети закладываются сухопутные связи. Ближе к водоразделам они ослабевают и прерываются. Снижается плотность хозяйственной деятельности, снижается уровень контроля территории центральным городом; кроме того, при прочих равных условиях верховья геохимически беднее и, значит, менее плодородны и демографически менее емки².

Граница речной системы, внутри которой находится город-ядро, – географическое место точек, где еще мысленно ощущается дочерняя принадлежность к пространству, формируемому ядром, но где влияние центра уже уменьшается до уровня природного фона. Вы еще веруете в столичное как в позитивный ориентир, но вера ваша разбивается о реалии глуши. Совершенно не склонный к фальшивому сюсюканью о «незамутненных родниках» русской провинции М. Е. Салтыков-Щедрин так определяет трагедию мыслящей периферии: «Будучи от природы сжигаемы внутренним пламенем и не находя поводов для его питания в пределах Вельегонского уезда, они невольно переносили свои восторги на предприятия отдаленные, почти сказочные, и с помощью воображения успевали обмануть себя» («Современная идиллия», 1877). Как обмануть? Полагать себя, коль скоро и главный город, и они принадлежат к будто бы единой водосборной «родине», будучи равными центру («тоже человеком»). Сталкиваясь с реалиями центрально-периферийных (вернее, периферийно-центральных) отношений, думающая и активная часть населения впадает во фрустрационное противоречие. Их преследует и жжет обида на свое стартовое периферийное болото.

1. «Быстрее» – не слишком подходящее здесь слово, ведь оно из семантической области времени. Но хорошего русского аналога для соответствующего пространственного процесса нет. «Ближе» означает просто сравнительную фиксацию положения, а не течение расстояния (распространение связей). Надо бы использовать что-то вроде «ближе» или «ближе», но это вопиюще безграмотно. Речь наша, как не раз отмечал Б. Б. Родман, более приспособлена к истории (время), нежели к географии (пространство).

2. Есть, конечно, ситуации, когда приводораздельное пространство хорошо освоено и бурлит жизнью. В ряде случаев это объясняется эндогенными, не связанными с собственно географической пространственной логикой явлениями. Например, аномально высокая плотность населения в верховьях Нильского бассейна (в Руанде и Бурунди) объясняется богатством вулканических почв, а формирование на водоразделах некоторых промышленных районов (например, Витватерсранд) обусловлено подземным богатством – минеральными ресурсами. Водораздельное развитие по собственно пространственной логике происходит, когда граничащие здесь водосборы переуплотнены и когда при этом между ними огромная разность потенциалов. Города Швейцарии поднялись и расцвели на посредничестве положения между переполненной творчеством, талантом и вкусом Паданской низменностью и готовой к обстоятельному, методичному усвоению трудолюбивой долиной Рейна.

Русские литераторы – уроженцы водораздельных пространств Волго-Окского междуречья – не скупаются на лестные характеристики мест своего происхождения, награждая их нежными именами. И. А. Бунин свою еще окскую (в Орловской губернии), но уже донскую (Елецкий уезд) Огнёвку переименовывает в Дурновку («Деревня»). Писатель изобретает особое слово, чтобы ужалистее уязвить свою родину, – «глухомань». Впервые в русском письменном языке оно появляется в бунинской повести «Суходол» в 1911 году [Колесов, 2006]. В автобиографической «Жизни Арсеньева» (1952) нобелевский лауреат, чтобы не повторять заново «глухомань», определяет свои верхнедонские места как «великую глушь». Андрей Белый превращает еще окский (Тульская губерния), но уже донской Ефремов, близ которого находилось отцово имение Серебряный Колодезь, в Лихов (географический герой страшноватого «Серебряного голубя»),

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом...
(«Отчаянье», 1908).

Родившаяся в Ефремове современная писательница М. Л. Степнова вспоминает город, где прошло ее детство (выведен как Феремов – роман «Хирург», 2005), с нескрываемым отвращением («дрянной, закисший, уездный», «одна сплошная серая мга»). Причем настолько нескрываемым, настолько ущемленно-злобным, что вызывает скорее чувство омерзения не к городу, а к лирической героине, город описывающей. Персонаж из Москвы воспринимается аборигенами Феремова как «с того света».

Баратынский, вернувшись в родовую верхнедонскую (верхневоронскую) Мару, пишет элегию «Запустение». Сергей Атава (С. Н. Терпигорев) очерки о своем верхневоронежско-верхнедонском Усманском уезде окской Тамбовской губернии (ныне в Липецкой области) называет «Оскудение» (1882). А. Г. Малышкин родной Мокшан (водораздел окско-волжской Мокши и донского Хопра) вводит в роман «Люди из захолустья» (1937–1938) под нарочито замшелым именем Мшанска. Впечатления М. Я. Козырева от поездок на родину в каспийско-балтийский Лихославль стали рассказами о городе Заваяйске (ок. 1930).

Бывший глотовский (Глотовка, колыбель «Катюши», – в окском Угранском районе бывшего днепровского Ельнинского уезда днепровской же Смоленской губер-

нии) крестьянин Михаил Исаковский оптически определил потенциал своего водораздельного «социального лифта»:

Одна была доля – бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье – по будням
ненастье,
По будням ненастье, а в праздники –
дождь.
(«Дума о Ленине», 1940).

У В. А. Курочкина повесть о родных местах по речке Холохольне (волжские верховья под Старицей) получает название «Заколотенный дом» (1958). В русской литературной традиции принято потешаться над прилегающей к Волго-Северодвинскому водоразделу Чухломой. Кто только не использовал этот водораздельный топоним как метафору крайней глуши. От допушкинских поэтов до Яны Недзвецкой, снявшей недавно фильм «Убойные вести из Чухломы», где во всей остроте изображено противоречие между городком у озера, оцепеневшего близ Каспийско-Ледовитого водораздела, и Москвой в лице чухломского Растиньяка, на время возвратившегося в родные места. И. М. Касаткин, уроженец соседнего Кологривского уезда, в автобиографии определяет свой уездный центр как «гиблый городишко Кологрив» (1920-е).

Народник и фольклорист П. И. Якушкин уничижает свой уездный Малоархангельск, стоящий почти ровно на схождение водосборов Волги, Днепра и Дона (водораздельный узел, «трипл-поинт»): «Много сёл на Руси – произведенных в города, но верно нет ни одной деревни, которая бы менее Малоархангельска имела прав на подобную честь». Под Гжатском (ныне Гагаринский район Смоленской области) на гребне Смоленско-Московской возвышенности, разделяющей Волгу и Днепр, крестьянский поэт В. Д. Александровский сокрушается:

Разве там не болотное дно...

Южные тамбовчане ли, северные костромичи ли, водораздельные по рождению, но вырвавшиеся в «центральное» ментальное пространство, удивительным образом единодушны в характеристиках своих, покинутых ими мест. На своих бассейновых перифериях, как следует из приведенных ниже деклараций, они ощущали себя на варварском краю земли. Наперебой метафорически они «углушают» свое бывшее географическое положение и акцентируют крайность тамошнего прозябания:

Наша Ко-
стромская
область счи-
талась самой
глухой в Рос-
сии. Наш Чух-
ломской рай-
он считался
самым глухим
в области.
А наша дере-
вушка Пахти-
но считалась
самой глухой
в районе [Зи-
новьев, 1999
(1988)].

Усманский
уезд... в этом
затхлом угле
Всезатхлой
Российской
империи [Эр-
тель, 1909
(1875), с. 11].

В самой дальней глу-
ши одной из отдален-
ных и глухих север-
ных губерний наших,
в двухстах верстах
от губернского горо-
да, завалился бедный
городок, разжалован-
ный екатерининским
учреждением о гу-
берниях в посады –
посад Парфентьев
[Максимов, 1951
(1859)].

Во всей России самая
ужасная губерния
была Тамбовская,
во всей Тамбовской
губернии самый ужас-
ный был Борисоглеб-
ский уезд, и во всем
уезде самый ужасный
наш околоток: имена
Мучкапа, Алабух
и станции Волкон-
ской... [Волконский,
1992 (1923)].

Если бы в их времена уже существовала программа «Антиплагиат», то, наверное, авторы были бы обвинены в некорректном заимствовании друг у друга стилистического приема, который можно бы определить как «матрешечная» градация (вернее, деградация). Столь велика невысказанная внутренняя потребность обличить свои жизненные отправные площадки: медленнее! ниже! слабее! врозь! Похоже, в каждом случае тоскливо-былинная метафора³ не тиражировалась, а независимыми путями шла от сердца каждого, не умиротворенного, но оскорбленного глушью.

Уездное мещанство не лучше столично-го. Линия поведения периферийных автохтонов так выражается щедринским сарказмом: «Сидят они там, в петербургских мурыях, да развиваются. Разовьются, да и заврутся. А мы вот засели по Поше-

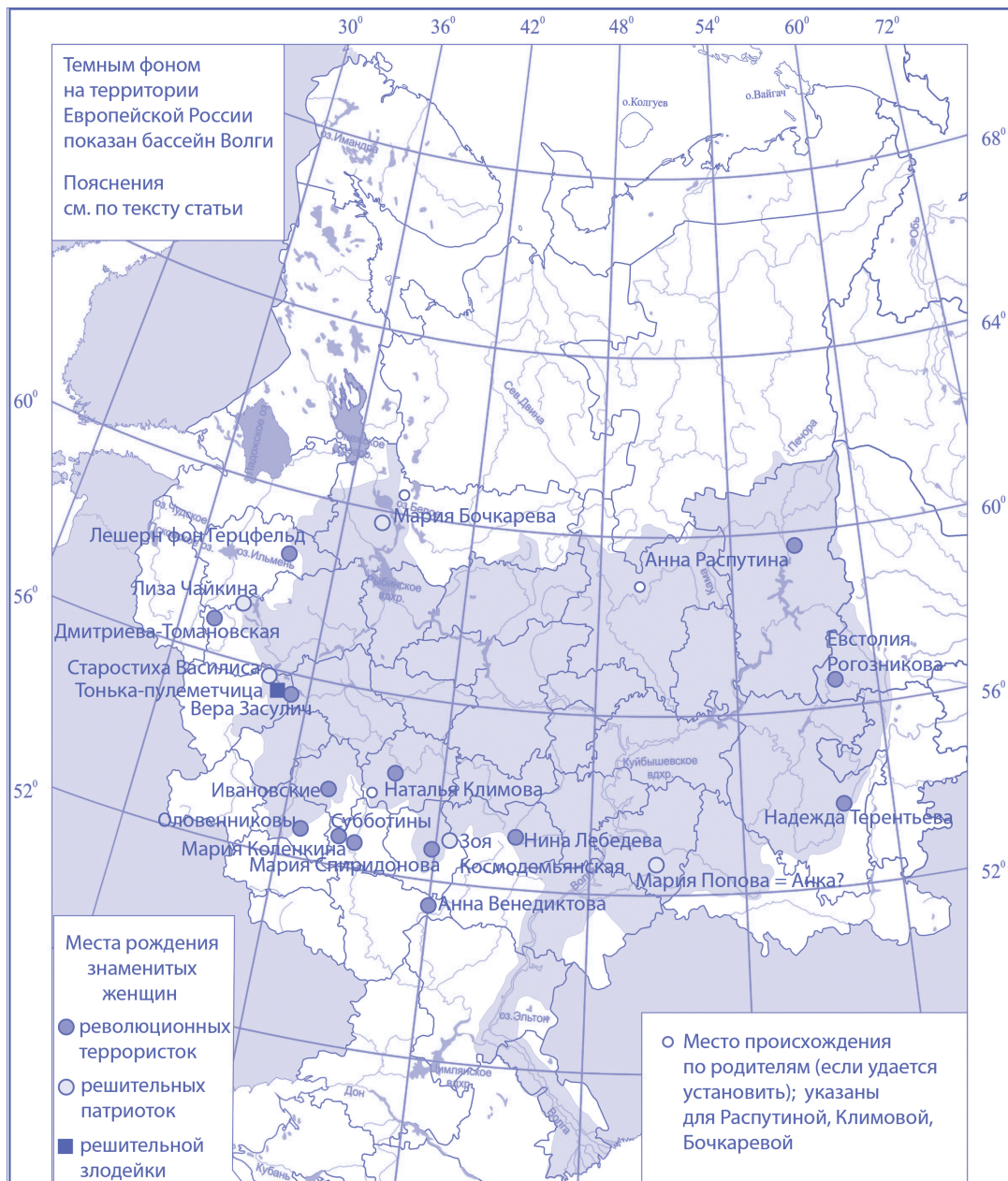
хоньям: не развиваемся, да зато и не завираемся – так-то прочнее...» (сказка «Дурак», 1885). Жажда и энергия перемен не в столичных жителях и не в провинциалах самих по себе, а в перемещениях, кинетике. Высвобождение энергии разности потенциалов происходит, когда провинциал физически или, по крайней мере, ментально (мировоззренчески) перемещается с периферии в центр. Тогда и возникает желание «отмстить» главному городу и задаваемому им режиму – на словах или на деле. По-д'артаньяновски покорить центр, по-растиньяковски подмять его, по-грибоедовски или по-перовски (вспомним «Тройку» на Рождественском бульваре) обличить, по-засуличски сотрясти, по-булгаковски унижить.

Вспомним, ведь цвет русской литературы, в частности и цитировавшиеся выше авторы, – с московской более или менее удаленной периферии. С окружающих Москву водораздельных линий Волго-Окского бассейна приходили в русскую жизнь властители дум, так или иначе готовившие почву для общенациональных перемен сознания. За ними следовала «пропаганда делом» – ишутинцы, чайковцы, народники, народовольцы, анархисты, левые эсеры. Среди них почти нет укорененных столичных (петербургских и московских) уроженцев⁴. Почти все – те, кто принес в столицы высвободившуюся энергию разности потенциалов с глушью. Кто сотряс, шокировал столичные общества своими безжалостно-решительными действиями, кто прокладывал путь революциям. В формате статьи невозможно представить всё множество геобиографий радикальных деятелей русского революционного движения. Ограничимся здесь наиболее показательным примером – женщинами, совершавшими террористические акты или участвовавшие в них. Среди них и такие знаменитости, как Вера Засулич или Мария Спиридонова, и менее известные женщины, но явившие миру примеры жертвенности и решимости, не свойственной вышколенным столичным обывателям. Примечательны эти судьбы потому, что являют собой наибольший контраст с общим территориальным фоном: в патриархальной России того времени

3. Ср.: сундук на дубу, заяц в сундуке, утка в зайце, яйцо в утке, игла в яйце, на конце иглы смерть Кощеева.

4. Родившаяся в Москве Ольга Любатович, косвенно причастная к убийству Степняком-Кравчинским шефа жандармов Мезенцова, – дочь уроженца Черногория. Черногория, напомним, седлает водораздел Адриатики и Черного моря. Непосредственные исполнительницы терактов сестры Измайлович, Александра и Екатерина, петербурженки по рождению, – дочери генерала польско-белорусского происхождения, а Белоруссия вся сплошной водораздел. Также родившаяся в Петербурге Зинаида Конопляникова, убившая карателя генерала Мина, – крестьянская дочь, то есть тоже жительница столицы в первом поколении. Откуда приехали на заработки ее родители, установить не удастся.

Рис. 1. Происхождение женщин, получивших известность решительностью своих действий в XIX–XX веках

прямое участие женщины в общественной жизни было из ряда вон выходящим явлением, а уж женщина, взявшая в руки оружие или бомбу...

На рис. 1 показаны места рождения (происхождения по родителям⁵) наиболее известных русских террористок конца XIX – начала XX века. Избавим читателя от пересказа биографий этих отважных, с обостренным чувством справедливости и фанатичной решительностью женщин, – найти сведения о них не составит труда. Для нас важно пространственное наблюдение: они по преимуществу уроженки полосы, протянувшейся по границе Волжско-го бассейна. А в районе

Малоархангельска, где, как уже отмечалось, сходятся бассейны Волги, Днепра и Дона (апофеоз трехбассейновой периферии), видим целую семейную «агломерацию»: революционной деятельностью занимались матери и дочери – народницы, народоволки и боевые эсерки Оловенниковы, Ивановские, Субботины.

Это в северном водораздельном узле, расклинивающем бассейны Днепра и Дона. А что в южном «трипл-поинте», где клином между двумя названными водосборами врывается третий – Кальмиус? Там Донецк (Юзовка) и родившаяся в Александровке, будущей части Донецка, Анастасия Биценко, соперничавшая по известности

5. Если удастся установить место рождения хотя бы одного из родителей, оно показывается на картосхеме белым кружком.

среди левых эсеров с Марией Спиридоновой, тамбовчанкой из южного экстремума Окского бассейна. С заболоченно-заозеренных верховьев Ловати (водораздел Невы и Западной Двины) – Е. К. Брешко-Брешковская, «бабушка русской революции». С водораздельного пространства Днепра (Припяти) и Вислы, из Люблина⁶, – «валькирия революции» Лариса Рейснер. Та самая, что выведена Всеволодом Вишневским в «Оптимистической трагедии», где героиня бестрепетной рукой убивает пытающегося посягнуть на нее матроса-анархиста, после чего произносит сакраментальное: «Кто еще хочет попробовать комиссарского тела?» Домна Каликова, героиня коми народа, замучена и убита белогвардейцами в 1919 году у села Поздеева на льду Верхней Вычегды, на самом краю бассейна Северной Двины, пред Печорским водоразделом.

Наблюдаемое правило водораздела не удастся применить к террористкам-еврейкам, которых было в те времена немало. Они-то как раз по большей части из приморских Мариуполя, Херсона, Одессы. Но это территории сравнительно молодого освоения (Новороссия), и еврейские семьи, территориально весьма мобильные, скорее всего, в поисках счастья прибыли туда недавно. Откуда, из каких местечек, не с водораздельных ли верховий? Для этого нужно разбираться в еврейской генеалогии, что составляет особую задачу, посильную разве что агентам, занимающимся арией.

Однако и среди русских террористок есть по меньшей мере три персоны, чье происхождение, на первый взгляд, не укладывается в водораздельную географию. Это знаменитые Софья Перовская и Вера Фигнер, а также менее известная Анна Якимова-Диковская.

Первая родилась в Петербурге, причем в семье аристократической, не в первом поколении столичной, – из потомков Разумовских, которых давным-давно приблизил Елизавета. Вроде настоящая столичная уроженка, но чуть вчитываешься в биографию, выясняется, что детство и юность будущей участницы убийства Александра II прошли у северного подножия Крымских гор, разделяющих короткие реки, текущие к Южному берегу, и истоки Салгира, направляющегося в противоположную сторону к Сивашу.

Родина Веры, нередко указываемая как Тетюши, все-таки не Тетюши, а село Никифорово (Никифоровка) в двадцати километрах от Тетюшей. Всего двадцать – казалось бы, какая разница? Только Никифоровка стоит в верховьях ручья Святой Ключ, текущего прямо на запад, прочь от меридиональной Волги. Ручей впадает в Улему, текущую параллельно Волге, но в другую (!) сторону, на север, чтобы впасть в Свиягу и только потом в Волгу у Свияжска. Между Улемой→Свиягой и Волгой лежит четко вырисовывающийся гребень Приволжской возвышенности. Водоразделы ведь бывают не только континентальной значимости, но и внутренние – второго и более низких порядков. Чтобы капле пройти с родины участницы царевубийства, красавицы Фигнер, до лежащей менее чем в двадцати километрах от нее Волги, требуется «объезд» через Казань в 300–400 километров.

Располагаясь всего в сотне километров от Волги, речка Тунинка, на которой стоит село Тумьюмучаш – марийская родина поповны-динамитчицы Анны Якимовой, – течет перпендикулярно Волге – от нее, чтобы через Немду и Пижму попасть в Вятку, потом в Каму и только потом в Волгу, проделав по дуге с головкружительными петлями путь почти в 800 километров. Волго-волжские водоразделы («Быть у воды и не напиться») – местами едва ли не более артикулированы, чем собственно Волжский.

Что же до собственно границ Волжско-го водосбора, у его отважных уроженков времен народовольческо-эсеровского террора были предшественницы и продолжательницы. Единственный женский персонаж в скульптурной группе у постамента памятника Кутузову близ Бородинской панорамы в Москве – Василиса Кожина, знаменитая старостиха Василиса, ставшая видной фигурой столично-патриотической пропаганды 1812 года. Столичные листки и лубки так описывают ее подвиг убиения пленного француза:

Один из пленных офицеров, раздражен будучи, что женщина вздумала повелевать им, не послушался ее. Василиса немедленно ударила его косою по голове, он упал мертвый к ногам ее.

Случись такое в Москве или Петербурге, вероятно, начались бы, хоть и война, при-

6. Люблинская возвышенность – продолжение тянущегося от Львова Розточе, название которого говорит само за себя.

охищения о милосердии и милости к падшим. Но это с удивительной легкостью совершенное и в столь же легких красках описанное убийство произошло под Смоленской Сычевкой – там, где сходятся в одной точке водосборы Днепра, Волги и Западной Двины, где начинается (или, если угодно, заканчивается, выклинивается) главный европейский водораздел между «греками» и «варягами». Из тех сычевских мест печально известная Тонька-пулеметчица, которая, попав к немцам, бестрепетно расстреливала советских пленных (существует точка зрения, что не окажись она после Вяземского котла на оккупированной территории, столь же твердой рукой стреляла бы по немцам).

Мы договорились в этой статье ограничиться лишь примерами героических женщин, но есть устойчивая сумма «женщины и дети», и трудно удержаться от «детской» аналогии 1942 года. Разговор происходит в Доме Красной Армии в Москве:

Мальчик стоял сейчас передо мной с отражением на лице внезапного воспоминания о родной своей земле, о родине, которой наделяется человек раз в жизни и которую он несет потом в сердце через всю жизнь, как отца и мать...

– А что про тебя рассказывают, будто ты от немцев «языков» приводил?

– Приводил... Еще раз я тоже взял двоих, а один не захотел идти. Уперся – никак.

– Ну и что же?

– Ничего. Пристрелил его, а другой пошел.

Развеселившееся лицо его говорило: «Видите, всё очень просто, а вы изумляетесь!»

Это рассказ Константина Федина⁷ «Мальчик из Семлёва». Километров семьдесят южнее сычевских мест Василисы – продолжение Днепро-Волжской водораздельной полосы. Семлёво – то самое, что известно в преданиях о 1812 годе: здесь будто бы отступавший Наполеон утопил в озере награбленное в Москве (водораздел не выпускает, географическое положение принуждает). Рассказ же о юном герое вполне в формате тех лет: люта ненависть к оккупантам была естественна, многие подростки тогда взяли оружие. И всё же... И всё же не зря писатель уже

в заголовке локализует героя, не зря посвящает целый абзац суждениям о малой родине. Напрямую Федин этого не говорит, но исподволь дает понять, что Серейка с Малой Бронной и Витька с Моховой вряд ли могли бы оказаться героями этого «очень простого» рассказа. Зато с такой же, как у семлёвского мальчика, простой решимостью на полвека раньше стреляла в столичного градоначальника Вера Засулич, выросшая в дремучих верховьях Москвы-реки и Гжати→Вазузы. И вышло у нее это так по-детски, по-гжатски органично, что коллегия присяжных оправдала убийцу.

Организатор женских батальонов смерти Мария Бочкарева родилась на самом севере Волжского бассейна, мать же ее – уроженка мертвой Чаронды на озере Воже, откуда сток уже в Свидь→Лаче→Онегу→Белое море. Охранявший Зимний дворец в октябре 1917 года «бабий батальон», согласно Маяковскому, «снялся боязнь одолен», но отчаянная каспийско-ледовитая воительница ремесла своего не оставила и служила потом у Колчака. С юго-восточного края уже теряющегося в степях Волжского бассейна происходит боец Чапаевской дивизии Мария Попова, которую считают возможным прототипом прославленной Анки-пулеметчицы. По разные стороны фронта, но с одной фронтальной линии водораздела.

Самая известная героиня Великой Отечественной Зоя Космодемьянская родилась на самом краю Волжского водосбора: в семи километрах восточнее ее родного Осина Гая капля, упавшая на землю, попадет уже в Дон. Примерно столько же нужно пройти к западу от верхневолжского Пено, родины отважной партизанки Лизы Чайкиной, чтобы попасть к истокам Западной Двины.

Вспомним, à propos, иных пассионарных женщин, оставивших яркий мужественный след в истории. Жанна Д'Арк – с верховьев Мозеля. Боевитая авантюристка Марина Мнишек – с верховья черноморского Днестра, у раздела с балтийскими Саном→Вислой. Шарлотта Корде – с юго-востока Нормандии, из тех мест, откуда радиусами расходятся верховья рек, текущих на север в залив Сены, на северо-восток в Сену и на юг в Луару (Сарту). Героиня польского восстания 1830 года, «кликсенская Жанна Д'Арк», Эмилия Плятер – с раздела Немана и Вислы. Так же как

7. Кстати, сам Федин, хотя и родился на Волге в Саратове, и по отцу, и по матери – пензенский, водораздельный.

Плятер, прославившаяся тем, что убивала (вернее, добивала кухонным топориком) русских солдат, Нене Хатун – единственная женщина, включенная в турецкий пантеон (хрестоматийный список великих турецких героев) наряду с Ататюрком и Атиллой, – с верховий Евфрата, с межokeанского водораздела. Партизанка Вела Пеева – с Родопского водораздела, где ныне город Велинград⁸, получивший имя бесстрашной дочери болгарского народа. Лидер западногерманской революционно-террористической «Красной Армии» (RAF) Гудрун Энслин – ровнехонько с водораздела Дуная и Неккара→Рейна (то есть с главного европейского водораздела).

Большинство известных католичек, носительниц стигматов – с водоразделов. Эти места порождают экзальтацию не только политическую, но и духовную.

Водораздельную женскую отвагу отражает художественная литература. В «Овечьем источнике» Лопе де Вега Лауренсия – девушка из Фуэнте-Овехуна, расположенного в центре паутины верховий речек, стекающих на разные стороны водораздельной Сьерра-Морены (одни в Гвадалквивир, другие в Гвадиану). Чтобы остановить тирана, она готова взять клинок:

Овцы вы, а не мужчины.
Знать, Фуэнте Овехуной,
Иль Источником Овечьим,
Названо село не даром.
Взять оружие надо мне!

В «Гражине» Адама Мицкевича княгиня из Новогрудка (затылок Неманского бассейна) выходит вместо мужа на бой с тевтонскими рыцарями.

Она, как муж, несла доспехи эти...

На юго-восточном краю Днепровского бассейна украинская националистка советского солдата «ножом без звука... навеки уложила». Идя на расстрел,

Она пощады не просила.
Смотрела гордо и сердито.
Платок от боли закусила.
(Давид Самойлов, «Бандитка», 1946).

Большинство упомянутых выше женщин погибли насильственной смертью (костер, петля, пуля) или, во всяком случае, испытали мрак смертного приговора (впоследствии смягченного). Но они вполне осознанно шли на это. Отношение к смерти на периферии, в глуши иное, нежели в столицах. Многим ли столичным жителям приходилось рубить головы курам или, по крайней мере, видеть это? Кто свеживал тушу домашней скотины? В центральных городах все эти мини-трагедии давно территориально изолированы. На периферии же даже и по сю пору это дело обыденное. Там сами копают могилы, сами выстругивают и ладят гробы умершим родственникам и соседям, каждодневно видят за околицей «свою» кладбищенскую рощу. Там смерть – житейское явление. Целая философия смерти изложена в «Письме перед казнью» Натальи Климовой⁹, эсерки-максималистки, приговоренной к повешению за участие в покушении на Столыпина.

Положение в речных верховьях – еще в родственной близости с доминирующим в бассейне городским районом-ядром, но уже на излете его влияния, обочь (до Бога высоко, до царя далеко) – сказывается на модели поведения выходцев из соответствующего географического места. Выходя на столичную (общенациональную) арену, они отличаются обостренным чувством справедливости, упрощенным представлением о решении проблем, жертвенностью. Не следует сбрасывать со счетов и возможного влияния геохимического фактора: водоразделы, как правило, характеризуются йододефицитом, что может проявляться в притупленном чувстве самосохранения. Но в этом вопросе мы уже выходим за рамки предмета географии.

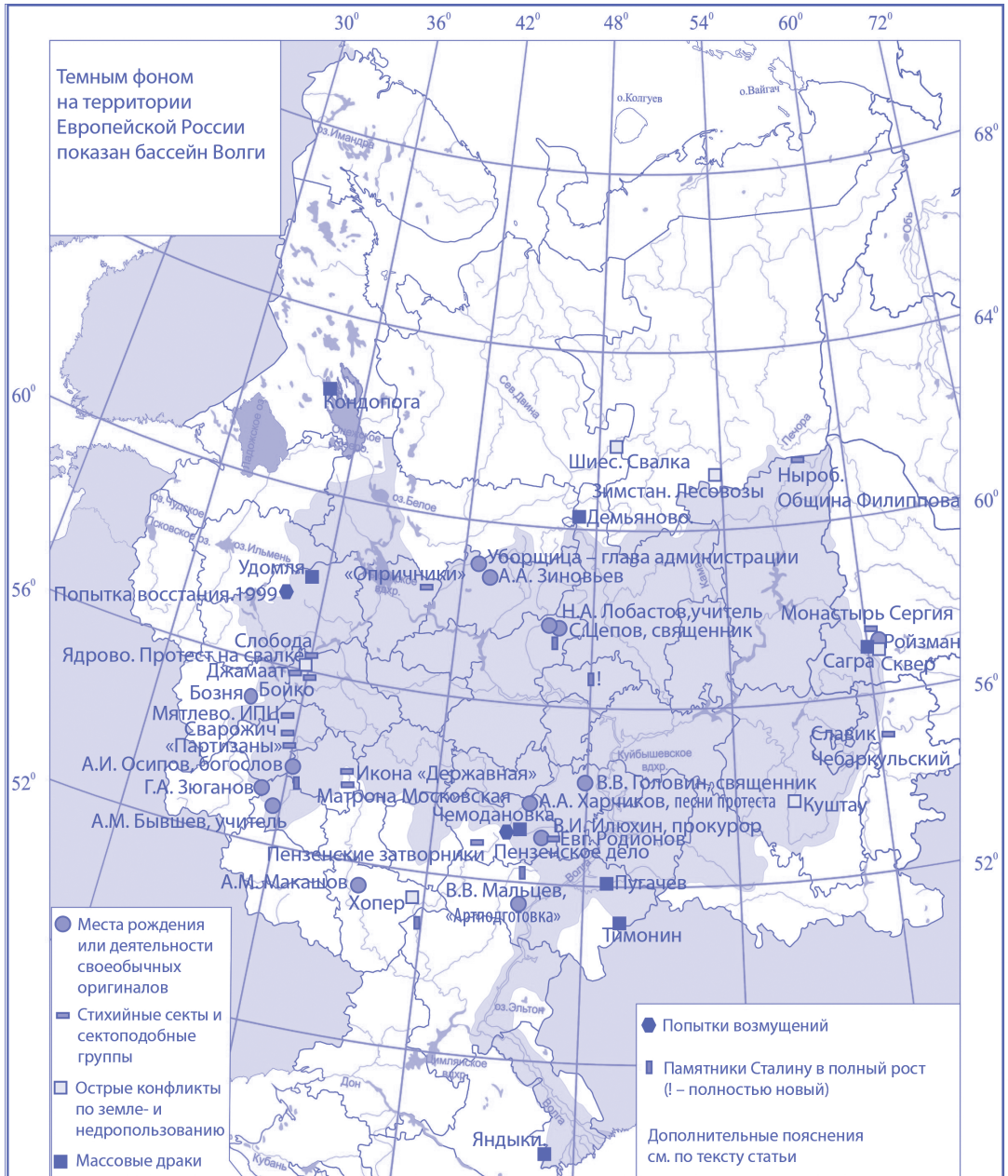
Так или иначе мы можем констатировать высокую пространственную корреляцию между бассейновыми перифериями и происхождением деятельниц, радикализирующих общество, будоражащих стабильные столичные общества и в конечном счете провоцирующих общественное переустройство.

Теперь о пресловутой актуальности. Самые близкие к современности среди рассмотренных персонажей – из середины прошлого века. Может быть, проделанное

8. Из этих же мест, из села Каменице, ставшего потом частью Велинграда, – знаменитый в болгарской истории Владо Черноземский. Этот борец за передачу Македонии в состав Болгарии решительно придерживался линии жертв и самопожертвования. Завершением его отчаянной деятельности стало покушение на короля Сербии Александра Карагеоргиевича.

9. Климова родилась в Рязани на Оке, но поместье отца, кажется, находилось в Скопинском уезде в Преддонье.

Рис. 2. Симптоматика периферии: проявления местного фрондерства с 1991 по 2021 год

исследование чисто историко-географическое и сегодня, в век тотальной автомобилизации и коммуникаций, не знающих сопротивления пространства, удаленность и периферийность уже не играют роли в дифференциации качеств людей? Различимы ли сегодня на водораздельных линиях симптомы противостояния задаваемому центром режиму? Эпоха русского революционного терроризма, тем более женского, слава богу, минула.

Что же теперь может служить индикатором особых качеств водораздела? Независимые голоса и действия отдельных оригиналов и небольших самодеятельных, иногда полусектантских группок. Мы не имеем в виду общенациональные сети – ни партии системной или несистемной оппозиции, ни зарегистрированные религиозные орга-

низации. Речь, скорее, об одиночках-скандалистах, ни с того ни с сего бросающих отважный вызов Центру и устанавливаемым им стандартам. Они могут быть разных и даже противоположных воззрений (в приведенном ниже списке мы увидим персонажей как ультраконсервативного, так и прогрессистского толка); важно, что они позволяют себе *отличаться*.

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим, –

советовал А. К. Толстой. Тем не менее с оглядкой (возможно, те или иные упомянутые ниже группы признаны экстремистскими и уже разогнаны) поло-

жим на карту хронологию соответствующих феноменов в Центральной России, замеченных и растиражированных прессой за последнюю треть века (рис. 2).

1. Учителя, не согласные с существующим порядком вещей. Александр Бывшев, поэт из Кром, выступивший в 2014 году со стихотворениями в поддержку Украины; Николай Лобастов, уроженец Тоншаевского района (крайний северо-восточный угол Нижегородской области, водораздел Ветлуги и Вятки), увлеченно обличающий неправославие и аморальность русской классической литературы. (Пока что они у себя ходят в городских сумасшедших, но и Циолковский некогда воспринимался так же.) Чухломских кровей профессор-диссидент А. А. Зиновьев, назвавший перестройку катастрофой; профессор А. И. Осипов, родом из Белёва, позволяющий себе, преподавая в духовной академии, вольно высказываться по богословским вопросам.

2. Священники, порвавшие с господствующей церковью. В Калужском Мятлеве (местный священник провозгласил себя епископом Истинно-православной церкви, ИПЦ); в Сяве под нижегородской Шахуньей (иерей перестал на великой ектенье поминать патриарха по причине лобызаний последнего с папой римским); извергнутый из сана за самостоятельность суждений Владимир Головин, уроженец Ульяновска (вспомним головокружительный протест Волги и Свияги в черте города).

3. Граждане, открыто критикующие путь Москвы. Прокурор В. И. Илюхин, возбудивший против М. С. Горбачева дело об измене (устно обвинял также Б. Н. Ельцина и В. В. Путина); политики Г. А. Зюганов, А. М. Макашов, В. В. Мальцев («Арт-подготовка»), Е. В. Ройзман; исполнитель песен протеста А. А. Харчиков и жительница вяземского поселка Бозня, в простоте душевной сообщившая в украинское посольство о передвижениях военных в 2014 году.

4. Импровизированные противуправительственные группировки. Безумная попытка поднять восстание в Вышнем Волочке в 1999 году, «Пензенское дело».

5. Стихийные конфликты (в частности, на межнациональной или экологической почве), которые жители, разуверившиеся в помощи властей, пытались решать силой

или манифестациями сами. Массовая драка в Удомле¹⁰, «бой» в Сагре, драки в Чемодановке, Тимонине, Пугачёве, Демьянове, перекрытие лесовозам дороги и столкновение с полицией в Зимстане, защита сквера от аппетитов церковников в Екатеринбурге, акция на свалке под Волоколамском, защита Хопра, защита Куштау.

6. Сектантские поселения. Пензенские затворники, группа бывшего священника Вениамина Филиппова в брошенной деревне за Ныробом, монастырь Сергия Романова под Екатеринбургом, группа «В честь иконы Божией Матери „Державная“» в Кимовском районе Тульской области, неоязыческое капище Огня Сварожича под калужской Красотынкой.

7. Сектоподобные полурелигиозные поселения. Слобода Германа Стерлигова в Истринском районе, поселения Бойко-Великого в Рузском районе, община со странным наименованием «Партизанская правда партизан» в тульском Суворове, поселения «опричников» в Любимском районе Ярославской области, проект Аминовки – поселка с исламскими порядками (джамаат) в подмосковном Шаховском районе.

8. Мифотворчество. Попытки создать культ погибшего в Чечне солдата Евгения Родионова из пензенского Чибирлея и «Славика Чебаркульского» (в обоих случаях активность проявляют женщины – матери «святых»), расцвет культа Матроны Московской на ее родине под Епифанью.

9. Фронда. Люди старшего поколения помнят, как в брежневские годы шоферы грузовиков выставляли в ветровом стекле тиражируемые в подпольных фотолабораториях портреты Сталина. То было не столько выражение любви к Сталину, сколько знак фронды работаг. Сейчас знаком местной фронды является установка памятников вождю. На рис. 2 восклицательный знак при условном значке «Памятник Сталину» – первый случай создания нового памятника в полный рост (ранее устанавливались просто старые поверженные и ныне отысканные скульптуры). Это в марийском поселке Шелангер. А на костромском севере, за Чухломой, всероссийским символом тихой фронды стало избрание уборщицы Повалихинским сельским главою (настолько не годился канди-

10. Вспомним Зимогорское побоище под Валдаем 1754 года, когда сотни крестьян и ямщиков остервенело дрались за покос, а ни невский Петербург, ни волжская Москва не способны оказались предотвратить назревающее смертоубийство.

дат от власти). Опять женщины выходят на фронт водораздела.

Глухое пограничье Волжского бассейна, как видим, по-прежнему спорадически активно и проявляет себя противопоставлением Центру, разрозненными действиями напоминает о себе как о единой территориальной структуре. Что изменилось? В сравнении с первой, «женской» схемой обрисовалась граница не только всего бассейна, но и – как подмножество – Волго-Окского водосбора¹¹. Другое наблюдение: в прошлом водораздельная периферия нагнетала свое революционизирующее влияние в столицы (был, правда, и некоторый протivotок – хождение в народ, устройство народнических сельскохозяйственных ферм в Тверской губернии, Липецкий съезд народников, но долговременного возвратного эффекта не было). Теперь мы наблюдаем не только отдельных возмущенных уроженцев периферии, сигнализирующих Центру о своем несогласии, но и несогласные группы из самого Центра (или вообще из неопределенного пространства, из общероссийской дисперсии), которые находят себе прибежища, укромные уголки, места концентрации на краях Волго-Окского бассейна. Затаившая обиду на Москву сама Москва или сама Россия идет на Волжскую периферию и пытается там укорениться. Таковы, например, недавно разогнанный свердловский монастырь одиозного Сергия Романова, «Партизанская правда...» или фермы Стерлигова и Бойко.

Ну, и о практической значимости. Бассейновая периферия живет несколько иной жизнью, чем ядро. Не являя собою сколько-нибудь значительной экономической и демографической данности¹² и снисходительно рассматриваемая столицей как «чухлома», она тем не менее способна сообщать о своем существовании чувствительными для всего бассейна импульсами. Инакорасположенное объективно порождает инакомыслие и инакодействие. От этого никуда не деться, сколько бы ни пыжился Центр «вертикалями», «стандартами», «единицами». Есть в стране, разумеется, гораздо более отдаленные территории (Кавказ, Дальний Восток и т.д.), являющие куда более разительный контраст с Москвой, но они живут в основном своей жизнью и Москва для них скорее поле отходнической эксплуатации

(как город-клондайк) или досаждающий надзиратель (как столица-ментор). Для Волжской же и особенно Волго-Окской России Москва – свое, генетически свое. На нее не только сетуют, ее не только хоят. О ней печалуются. И чувство печали, ответственности за свое ядро по мере нарастания различий обостряется к границам водораздела, пока общественное сознание не переливается окончательно в иные бассейновые чаши и не избирает для себя иные объекты родственного печалования.

Думающая бассейновая граница прямым текстом, не без нотки угрозы, предлагает Москве знать свое место:

... за твоей спиной молчит и дышит
всё тебе прощавшая страна.
(«Вон Россия пашет и строгает...»)

Под «страной» поэт Геннадий Русаков понимает, разумеется, то, что он мучительно испытал на себе, – несчастное детство на северо-востоке Воронежской области, на бывшей Тамбовщине, на Окско-Донской границе. «Прощавшая», но готовая ли и опять прощать?

Ломкой обернется эйфория –
Так не раз бывало на Руси –
Барское твоё «Периферия!»
Прозвучит молитвенно «Спаси!».
(«Москве»)

Это Валерий Савостьянов, уроженец все той же водораздельной полосы (Киреевский район Тульской области). Задача волжско-периферийных авторов не воспеть Москву, как, например, конъюнктурно-ангажированный композитор Арно Бабаджанян («Лучший город Земли»), не обличить ее, как мрачный «кобзарь» Шевченко:

Чернобровые, любитесь,
да не с москалями,
москальи – чужие люди,
глумятся над вами.
(«Катерина»)

Задача – по-бассейно-родственному вразумить. Пока в каком-нибудь музее не будет отыскан револьвер Засулич.

Город-ядро и его водосборная периферия составляют слитную систему – систему

11. Вернее, даже до меридиональных Ветлуги, Суры и даже до Свяги на востоке.

12. Кроме, разумеется, случаев, когда граница бассейна случайно попадает на богатые (или прежде богатые) сырьевые районы, как, например, наложение северо-востока Волжского водосбора на Урал.

единства и борьбы неравновесных противоположностей. Лица, управляющие ядром, должны отдавать себе отчет, что слабая периферия таит в себе мощный потенциал инициации перемен (к лучшему ли, к худшему – не обсуждаем). С точки зрения локального целеполагания это процесс хаотический. Но с географической точки зрения – вполне упорядоченный, о чем свидетельствуют приведенные выше картосхемы. Речь идет даже не о симбиозе местностей внутри бассейна, речь – о системности. Мерзнущие ноги – сигнал мини-кризиса сердца и мозга.

Бассейновая периферия требует к себе особого, адаптированного к ее реалиям, отношения. Ее следует изучать как особое «болезненное» географическое место точек столичной территориальной системы (не как традиционный район, а как особую структуру) и миролюбиво, компромиссно искать путей гармонизации интересов с ядром¹³.

Источники

- Волконский С. М. (1992) Родина // Мои воспоминания: в 2 т. Том 2. М.: Искусство.
- Зиновьев А. А. (1999) Русская судьба, исповедь отщепенца. Книга мемуаров. М.: Центрполиграф.
- Колесов В. В. (2006) Гордый наш язык. 2-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика».
- Максимов С. В. (1981) Избранное / Подготовка текста, сост., примеч. С. И. Плеханова. М.: Советская Россия.
- Эртель А. И. (1909) А. И. Эртель – М. И. Федотовой. Письмо. Ок. 1875 г. // Письма А. И. Эртеля. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина.

13. Замечание, которое все же следует сделать в заключение, так как среди воспринимающих это содержание всегда находится один, понимающий сказанное так, что будто бы все уроженки Сычёвки должны косами рубить французов, все чухломичи обязаны быть диссидентами, а все поэты Кром должны писать стихи в защиту Украины. Нет, это не так. Народ в целом живет обыкновенною жизнью. Мы лишь видим некоторые то редкие, то учащающиеся симптомы местной специфики. И то в общем долговременном итоге. У автора был студент, который, находя частные несоответствия, буквально требовал, чтобы автор изменил историю и все привел к строгому выполнению. Но география не геометрия. Она требует вдумчивой герменевтической работы над явлениями человеческого пространства.

WATERSHED SPACES AS RADICALIZERS OF THE POLITICAL LIFE IN STABLE LARGE-CITY CORES

Sergey V. Rogachev, Research Fellow, Department of Social-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: rogachev.mgu@gmail.com

Abstract. A river catchment is not only a physical-geographical system, but also a canvas of a territorial social system. The watershed periphery is a producer of courageous individuals with a heightened sense of independence, ready to take decisive action. This paper reveals the confinement to watershed lines of the birthplaces of many figures of the revolutionary movement of the second half of the 19th to the early 20th centuries. This coincidence is especially noticeable when considering the biographies of Russian women who were part of revolutionary groups (Narodnaya Volya, Union of Socialists-Revolutionaries

Maximalists, etc.) and took part in individual terror acts. Most of them come from the periphery of the Volga catchment area. The natives of the periphery, by their impulsive actions, initiated changes in capital centers.

Keywords: center-periphery; watershed; Volga basin; Moscow; geobiography; philistinism; nonconformism

Citation: Rogachev S. (2022) Watershed Spaces as Radicalizers of the Political Life in Stable Large-City Cores. *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 2, pp. 115-127. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp722022115-127>

References

- Jertel' A.I. (1909) A.I. Jertel' – M.I. Fedotovoj. Pis'mo. Ok. 1875 g. [A.I. Ertel – M.I. Fedotova. Letter. Circa 1875]. *Pis'ma A.I. Jertel'ja* [Letters of A.I. Ertel]. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina [Moscow: Printing House of I.D. Sytin Partnership].
- Kolesov V.V. (2006) Gordyj nash jazyk. 2-e izd., pererab [Our

- Proud Language. 2nd ed.]. SPb.: «Avalon», «Azбуka-Klassika».
- Maksimov S.V. (1981) Izbrannoe [Selected Writings]. Moscow: Sovetskaja Rossija [Mocow: Soviet Russia].
- Volkonskij S.M. (1992) Rodina [Homeland]. Moi vospominanija: v 2 t. Tom 2 [My Memoirs in 2 Volumes. Volume 2]. Moscow: Iskusstvo [Moscow: Art].
- Zinov'ev A.A. (1999) Russkaja sud'ba, ispoved' otshhepenca. Kniga memuarov [Russian Fate, Confession of a Renegade. The Book of Memoirs]. Moscow: Centrpoligraf.